

ИСТОРИИ

**«Лучше поставьте всех к стенке
и расстреляйте» Трансгендерным людям
в России хотят запретить заключать браки
и менять пол в документах.
Мы поговорили с теми, кого это коснется
напрямую**

07:11, 8 августа 2020 · Источник: Meduza

Фото: nito / Shutterstock.com.

[Ссылка на материал](#)

Это PDF-версия материала, опубликованного на «Медузе». Вы можете отправить этот файл в любом мессенджере или по электронной почте вашим близким в России, особенно тем, кто не умеет обходить блокировки. Вы можете также распечатать этот текст и показать его тем, кто не пользуется интернетом.

«Медуза» признана «нежелательной» организацией на территории РФ, поэтому, пожалуйста, будьте осторожны и делитесь нашими материалами только с теми, кому доверяете.

Подробнее о «нежелательном» статусе.

Самый удобный способ читать «Медузу» без VPN — это скачать наше приложение. Оно работает в России, несмотря на блокировку, и это абсолютно безопасно. Версия для iOS и для Android. Приложение на Android также можно скачать по прямой ссылке.

Устанавливайте приложение не только себе, но и близким!

В России хотят запретить вступать в браки трансгендерным людям и усложнить для них процедуру усыновления детей. С такой инициативой выступила группа сенаторов во главе с Еленой Мизулиной — они разработали законопроект «в целях укрепления института семьи». «Медуза» выяснила, что в случае его принятия трансгендерные люди вообще не смогут изменить пол в документах, то есть совершить юридический трансгендерный переход. Мы поговорили с людьми, которых законопроект касается напрямую.

Подробнее о законопроекте можно прочитать в этом материале «Медузы».

Ирма-Елизавета Леттер

Архив Ирмы-Елизаветы Леттер

Я пришла к решению преобразить свою жизнь в 19 лет — в 2009 году. Меня познакомили с эндокринологом-сексологом, она «вела» трансперсон в нашем регионе. Потом было много встреч с психологами, чтобы они подтвердили, что депрессия, которая меня сопровождала, завязана исключительно на гендерной дисфории⁽¹⁾ и неприятии собственного тела. Я встала на учет в психоневрологический диспансер по месту жительства, полтора года каждые две недели ходила к участковому психиатру. До меня в его практике не было таких людей, [поэтому] он задавал несуразные вопросы, смотрел, проявляю ли я манерные признаки. Но он сам осознавал, что не особо профпригоден, чтобы

идентифицировать меня как трансженщину и дать мне направление на комиссию.

Периодически психиатр велел мне по 10 дней ходить в дневной стационар, где я сидела в холле, а он смотрел на меня по несколько часов. Я читала или смотрела окно, а он выискивал признаки неадекватности.

Потом была встреча у консультанта министерства здравоохранения нашего региона, профессора психиатрии, [который] руководил кафедрой мединститута. Он по-хамски со мной говорил, выводя на пограничные эмоции. Грубо спрашивал: «Зачем ты хочешь сменить пол? Ты хочешь носить платья?». Пытался увидеть во мне агрессию, [ожидал], что я начну плакать, скандалить, истерить, но у меня хватило терпения.

После этого меня направили в круглосуточный стационар. Я 40 дней лежала в психушке. Каждый день начинался с того, что ко мне приходила медсестра и спрашивала: «Вы хотите сменить пол?». Они фиксировали, как я себя веду, и уходили. Периодически меня приглашали на беседу с психологом, постоянно интервьюировали на тему моего детства, искали в нем предпосылки к сексуальному насилию. Добровольно-принудительно пригласили на лекцию со студентами, где меня как обезьянку изучали, задавали вопросы о моей жизни. Мне это удалось пережить. [Я получила] справку

с указанием диагноза транссексуализм⁽²⁾, что дало разрешение начать гормональную терапию. Уже через год я могла рассчитывать на первую операцию. Мое тело начало меняться.

Трансгендерный переход — это не единственное, что определяло мою жизнь. Параллельно с этим я получала юридическое образование, окончила колледж, училась в институте, занималась творчеством и строила карьеру по основной специальности. Я рационально строила жизнь. Стала практиковать как гражданский юрист, внешне придерживаясь мужского образа, поэтому моя карьера развивалась.

В сентябре 2016 года у меня была корректирующая операция, позволяющая сменить паспорт. Тогда, по законодательству 2016 года⁽³⁾, справка с диагнозом F64 не являлась основанием для изменения гендерного маркера. [Основанием являлся] только выписной эпикриз, в котором указывались фактические непреодолимые изменения [гендера]. Без операции в 2016 году нельзя было [изменить гендерный маркер]. Тогда могли, да и то не факт, изменить данные в свидетельстве о рождении, а на основе него уже и паспорт. ЗАГС отказывал в замене документов, так как по законодательству не было единой формы справки, которая была бы основанием для смены [гендерного

маркера]. Поэтому в судебном порядке нужно было подтвердить факт непреодолимых изменений.

[В то время] большинство людей меняли гендерный маркер по решению суда. Мне повезло, с моим образованием и умением вести переговоры хватило эпикриза. Я родилась в маленьком городе с 30 тысячами населения, там и меняла свидетельство о рождении. Заведующая ЗАГСа сказала, что за всю ее астрономическую практику я была первая, кто меняет документы по такой статье. Но не смотрела на меня как на обезьянку — в психушке больше смотрели как на обезьянку. Весь период [трансгендерного перехода] от начала, когда я пришла на учет к психиатру, и до получения паспорта, у меня занял почти 6 лет. После смены документов большинство людей, которые со мной работали, ушли. Я переехала жить в Москву, познакомилась с молодым человеком, мы решили строить семейные отношения, и я вышла за него замуж.

В свете законопроекта все, что меня окружает, поставлено под вопрос. Я не знаю, как смогу работать, что будет с моим браком. Планы по поводу моей семьи или детей — это безнадежно. Я боюсь, что мое свидетельство о рождении признают незаконным, вернут в него акушерский пол, мой брак станет незаконным, моя карьера станет незаконной. Этот законопроект разрушает мою документальную базу, мою семью и всю мою жизнь. Зная как в России относятся

к общественному мнению, когда поднимали пенсионный возраст и фальсифицировали выборы, я имею самые негативные ожидания.

СТЫДНЫЕ ВОПРОСЫ ПРО ТРАНСГЕНДЕРНЫХ ЛЮДЕЙ

Трансгендерный переход — то же самое, что смена пола? Трансгендерные люди живут меньше остальных? Почему их не любят даже некоторые феминистки? Стыдные вопросы про трансгендерность — новая версия!

Говорят, писательница Джоан Роулинг нетерпимо относится к трансгендерным людям. Это правда? Что такого она сказала?

Павел⁽⁴⁾

У меня были сложности с принятием себя, а потом припекло. Я понял, что умру и даже похоронен буду под чужим именем.

Переход начался поздно. Я начал принимать гормоны, когда мне было 35 лет. Документы поменял 2018 году. Я попал на промежуточный период со справками для смены документов. В начале я проходил комиссию в городской психиатрической клинике. После комиссии с диагнозом F64 получил разрешение на прием гормональных препаратов. Тогда еще не начал смену

документов, так как было желательно выждать время для упрощения всех судебных дел. И в этот промежуточный период была принята единая форма справки об изменении пола № 087/у⁽⁵⁾. Встал вопрос, как менять документы. Мне пришлось повторно проходить комиссию и получать новую справку. Но по ней действительно было проще поменять документы: если бы не справка, то скорее всего у меня был бы суд. Я не знаю никого, кто бы без этой справки смог поменять документы.

Операцию я не делал. Планирую, но это не дешево. Специализация узкая, хирургов мало, а запросов много. Я буду делать операцию в любом случае, даже если законопроект примут — по-другому невозможно воспринимать себя.

У меня была хорошая поддержка со стороны близких и родных. У меня всегда была внешность пацанки: манера поведения, [манера] одеваться, самопрезентация. Мама подозревала, но я особо и не скрывался. В какой-то момент сказал, что не хочу, чтобы меня называли старым именем. Когда началась гормонотерапия и сменил документы, стало гораздо проще жить, потому что внешность немного изменилась и в документах беспорядка нет: никаких вопросов не возникает ни у работодателей, ни в различных организациях. Потому что раньше, когда приходил мужчина, предъявлял женский паспорт и говорил: «Да. да. это мой.

просто так вышло», — уровень самооценки и самоуважения падал.

На работе до 2015 года приходилось выкручиваться со старыми паспортными данными. Меня принимали как данность: есть такой странный человек. Когда я осуществил переход, то пришлось предъявить измененные документы. Я сделал каминг-аут на работе, но вопросов не было. Когда увольнялся, мне даже поменяли по утере трудовую книжку, чтобы там не было старых данных.

С женой мы [вместе] почти 12 лет. Она изначально знала обо мне. Друг, который нас познакомил, тоже трансгендерный мужчина. Когда я сменил пол по паспорту и мы подавали документы в ЗАГС, никаких трудностей не было, подавали [заявление] через госуслуги — это [был] обычный гетеросексуальный брак.

Если примут законопроект, который предлагает Мизулина, то трансгендерам могут начать менять документы обратно. Каким образом это будет происходить — непонятно. В этом вопросе такой правовой вакуум, что могут протащить, что угодно. И непонятно, что [случится] со статусом брака тогда? Это будет принудительное аннулирование? Но такое нельзя делать. С психологической точки зрения я не представляю, [что будет] если начнут паспорта менять. Как жить дальше тогда?

Если будут принимать законопроект, то надо будет исхитриться и сразу оформить развод. У меня супруга школьный преподаватель, и это может на корню загубить ее карьеру. А потом надо будет уезжать. Я не вижу особо разумного будущего в этой стране с учетом всего, что происходит в политике. Я больше пессимист, чем реалист — не думаю что что-то хорошее может быть.

КАК ЖИВУТ ЛГБТ-ЛЮДИ В РОССИИ

«В „Единой России“ знали, что я гей, но закрывали глаза» Как живут ЛГБТ-люди в российских деревнях и поселках

Евгения (имя изменено)

Первые воспоминания о том, что я — девочка, идут с 4-5 лет. Я просила маму одеть меня в платье и повязать бантики. Мне это нравилось так же, как играть в куклы и «дочки-матери». Шить и вязать я научилась еще до школы. Мои старшие братья высмеивали меня за эти проявления. Когда я была одна дома, то примеряла мамины вещи. Несколько раз я попадалась братьям и родителям в таком виде. Помню после этого часы нравоучений и чувство стыда.

До 24 лет я старалась выглядеть более маскулинно, а потом мы познакомились с будущей женой. У нас завязались отношения, мы развлекались: играли в переодевание, жена меня пыталась накрасить. Я вроде изображала сопротивление, но внутренне [это был] бальзам на сердце. Какое-то время я не говорила о том, что меня беспокоит: были опасения, что человек отвернется от меня.

Через два года я рассказала про себя, жена попросила [время] подумать, а потом спросила, буду ли я делать переход. Я не планировала идти на гендерный переход в тот момент времени, искренне надеясь, что смогу это побороть, да и попросту не знала о таком. Мы жили счастливо, и в нашей семье царили и царит любовь и взаимное уважение. Мы стали вместе ходить по магазинам и покупать мне вещи. Я начала позволять себе косметику на работу, жена помогала подкрасить реснички маленечко.

Потом были периоды, когда я пыталась заглушить свое желание стать женщиной в обществе — останавливала прием препаратов, выкидывала женскую одежду. Каждый раз эти попытки приводили к краху. Но я все равно боролась, потому что мне казалось что это неправильно — человек выходил замуж за мужчину, а тут [такое] получается.

Когда у нас родился сын, я решила, что отращу волосы и буду принимать таблетки, чтобы феминизировать тело. Просто искала на просторах интернета препараты и занималась самоназначением. В таком режиме мы прожили, пока ребенку не стало 5 лет. Мне оказалось этого мало, я не могла довольствоваться [тем, что] вроде приближаюсь [к себе], но не могу быть собой. [Тогда] ребенок еще ходил в садик. Состоялся еще один разговор [о том], что, возможно, я пойду на полный переход. На тот момент [с женой] мы были вместе уже 7 лет.

Дома жена обращалась [ко мне] с женским окончанием, но на работе или улице всегда надо было контролировать, какие окончания проговаривать. Это был постоянный стресс. Мы сказали ребенку, что со временем я стану девочкой, адаптировали информацию для его детской психики: говорили, что внутри меня живет девочка, которой не повезло — она родилась в теле мальчика. И он по-детски так сказал: «Окей». Мы ему говорили, что у него будут две мамы, и что люди могут сказать [что-то] обидное. Он сказал, что пойдет на карате и будет нас защищать. Для его удобства и безопасности были придуманы легенды, ответы на вопросы. Например: «Почему у тебя папа длинные волосы носит? Потому что маме нравятся длинноволосые мужчины», — и все, проверка пройдена. Таких заготовок, пока ребенок рос, было штук десять.

Было страшно рассказать близким людям, никогда не предугадаешь реакцию. Но в итоге никто не отвернулся и не сказал, что прекращает общение. Как-то я соседу по даче говорю: «У тебя есть знакомые трансгендерные люди?». Он, сказал, что нет и ему пофиг на них. Тогда я сказала: «Считай, что есть», — и рассказала про себя. Он сказал, что это круто и поблагодарил за честность и открытость. Я не ожидала такой реакции — он брутальный, лысый, с бородой, большой дядька.

Мой переход затянулся на лет 13-14 — все из-за страха. Тогда не было понятной процедуры смены гендерного маркера. Все дела рассматривались через суд, появлялся страх за жену и сына, с чем они могут столкнуться. Ребенка могли высмеять в школе, жена могла лишиться работы. Мы прожили так, пока ребенок не закончил 9 классов. В 2018 году я поехала в Самару на комиссию. Тогда уже приняли новую форму справки, которая без суда и операции давала право на смену гендерного маркера в документах. Я прошла комиссию и сменила гендерный маркер и имя в документах. Теперь для окружающих наша семья — это две женщины и взрослый сын.

Когда я пришла в ЗАГС, у нас был действующий официальный брак более 15 лет. Начальница ЗАГСа сказала, что нужно делать расторжение, но нормативных документов, которые регламентируют это — нет. Она

говорила, что в России нет однополых браков на данный момент. Ну да, а мы не хотим расторгать брак!

На следующий день она все выяснила и разрешила подать документы. Так наш брак остался действующим, но у меня нет никаких подтверждений [этому]. Только у жены в паспорте стоит печать, но она замужем за человеком, которого фактически уже нет. Ведь [при смене маркера] меняется все: ИНН, СНИЛС, паспорт, водительское удостоверение.

Сейчас идет повестка, которая ставит и традиционные семьи в уязвимое положение. Например, детей, которые находятся в неблагополучных семьях, к которым нельзя будет войти в квартиру⁽⁶⁾. Просто об этом громко не заявляется, как об ЛГБТ. На фоне неприязни, гомофобии, ненависти, протискиваются законы, которые не ориентированы на гражданское общество. Сам законопроект анти-гражданский, имеет признаки фашизма — делит людей на людей первого и второго сорта. Получается, что кому-то можно в брак, а кому-то нет. При подаче заявления на заключение брака, представители ЗАГСов будут вправе затребовать свидетельства о рождении, в каких случаях и на каком основании это будет — не ясно. Тут возможна коррупционная схема. Нарушается и медицинская тайна, потому что информация [о смене гендера] не должна разглашаться. За это есть ответственность, а сейчас

предлагается это аннулировать, обнулить тайну личной жизни.

Меня могут задним числом обязать заново изменить гендерный маркер в документах. Будут приписывать пол, который был при рождении. И если не будет дополнительных регламентирующих поправок, то человек не сможет менять паспорт, потому что у нас в стране по закону все документы выписываются изначально из свидетельства о рождении. Тогда все откатят назад, в свидетельстве о рождении будет написано, что я мальчик. А многие люди уже сделали операции, у кого-то есть устроенная жизнь, люди вступили в браки. У них есть родные и близкие. Это все касается не только одного человека, но и целые семьи, родственников.

Это фашизм, его прямое проявление — делить людей по каким-то признакам. Мне кажется, что, если вам известны все данные, то лучше поставьте всех к стенке и расстреляйте. Это будет честнее, как в концлагере определить, что этот человек достоин только к стенке встать. Лучше так, чем проводить эксперименты и смотреть, как мы будем выкручиваться.

Надоело доказывать, что ты — человек Как живут трансгендерные люди в России. Репортаж Даниила Туровского

«Увидев документы, бабушка стала обращаться ко мне в мужском роде» Три года из жизни трансгендера, сделавшего операцию по смене пола

Бессловесное психологическое давление Трансженщина из Петербурга выиграла суд у компании, которая уволила ее из-за списка запрещенных профессий для женщин. «Медуза» рассказывает ее историю

Екатерина Мессорош

Архив Екатерины Мессорош

Я поняла, что я трансженщина только благодаря интернету в 2008 году. Тогда мне было 25 лет, я была жената, нашему сыну был год. До этого я не понимала, что именно со мной не так, и не могла выбрать, что вкуснее: шизофрения или раздвоение личности.

У меня была обычная семья: жена и два ребенка. Когда я прочитала [информацию] на форуме о трансгендерных людях, мне стало легче жить: я поняла, что не одна такая. Но потом испугалась и попыталась забыть все, что узнала. Но не получилось, и до 2015 года я определяла себя как кроссдрессера⁽⁷⁾, что помогало справиться с дисфорией. Признаться самой себе до конца, что я трансженщина, было сложно. Я не занималась своими

образами, порой реализовывалась через выбор гардероба для супруги, периодически сама преображалась. Иногда пару раз в месяц, иногда перерывы были по полгода.

До начала 2015 года я никому об этой части себя не говорила, если не считать анонимного общения в интернете. Потом я начала ходить на кроссдрессер-тусовки, тренироваться в макияже. Тогда же рассказала супруге о кроссдрессинге. Не буду же я врать жене, что иду на рыбалку, а сама — в клуб. К концу года уже полностью поняла, что не могу справляться с дисфорией через кроссдрессинг — не мое это.

Разговор был тяжелый, но мы продолжили вместе жить. Хотя еще за полгода до гормонотерапии, когда знакомые предложили мне начать переход, я отказывалась со словами, что я нормальный мужик. Мне было страшно, но в итоге я решила делать [трансгендерный переход], потому что уже боялась не справиться с дисфорией. Это вопрос не комфорта, а дискомфорта.

Был второй каминг-аут. Я рассказала жене, что чувствую себя женщиной и буду делать переход. В том же году родилась дочка. Я намеренно решила не менять паспорт и не проходить официальную комиссию. Несколько лет я принимала гормонотерапию, и после этого в Таиланде сделала генитальную хирургию.

Через два года после начала моего перехода мы с женой решили разводиться. Мы не ссорились, но жена в какой-то момент отметила, что ее не привлекают женщины и с этим надо что-то делать. Для меня это было и комплиментом — безусловно, она теперь видит во мне женщину. Но насильно не заставишь быть рядом. Когда я подавала заявление о разводе, сотрудница ЗАГСа спросила, не боюсь ли я, что мой сын будет похож на меня. Я ей ответила, что боюсь, что мой сын будет похож на нее. Больше вопросов не было.

Самым страшным моментом в моей жизни была история, когда я столкнулась с открытой трансфобией во время работы в избирательной комиссии. Члены УИК узнали про мой переход, об этом стали писать СМИ и [петербургский противник ЛГБТ-сообщества] Тимур Булатов. Он писал много дичи - и в опеку, и в полицию на меня, и в избирательные инстанции. Требовал отстранить меня от работы в УИК и лишить родительских прав, но ничего не добился.

Самый пик был, когда меня пригласили на беседу в полицию. Я ходила беседовать с инспектором по делам несовершеннолетних и тогда стало понятно, что данному инспектору не интересно раскручивать мое дело. Мы поняли друг друга на основании закона. Ведь формально я могу называть себя как угодно и выглядеть как угодно.

Я не изменила пол и имя [в документах]. Но, чтобы люди могли меня распознавать по документам, изменила в паспорте фотографию на ту, где я в женском образе.

Я путешествую несколько раз в год, и, по моим наблюдениям, единственные проблемы возникают на русской границе, когда на меня смотрят с подозрением или спрашивают, почему я не изменила пол и имя в паспорте. Но нет такого нормативного акта, по которому я обязана это делать.

Все трудности, которые возникают с моими документами, они возникают не у меня — а у других людей. Почему я должна оправдываться и объясняться [перед ними]? В банках тоже бывают проблемы. Могут час устанавливать мою личность, а потом подойти и сказать : «Ну вы же понимаете?». Нет, я не понимаю о чем вы. А прямым текстом никто ничего не говорит.

Надоело доказывать, что ты — человек Как живут трансгендерные люди в России. Репортаж Даниила Туровского

«Увидев документы, бабушка стала обращаться ко мне в мужском роде» Три года из жизни трансгендера, сделавшего операцию по смене пола

Бессловесное психологическое давление Трансженщина из Петербурга выиграла суд у компании, которая уволила ее из-за списка запрещенных профессий для женщин. «Медуза» рассказывает ее историю

Записала **Александра Сивцова**

(1) Гендерная дисфория

Большинство транслюдей испытывают дисфорию — так называется чувство дискомфорта от несоответствия гендерной идентичности приписанному при рождении полу. Часто такая дисфория порождает желание привести внутренние ощущения в соответствие с внешним видом и документами.

[Вернуться к тексту.](#)

(2) Транссексуализм

В МКБ-10 есть диагноз F64 — транссексуализм. Согласно этой квалификации, он считается заболеванием, которое лечится гормональной и хирургической терапией. В 2018 году ВОЗ утвердила новую МКБ-11, которая вступит в силу с 1 января 2022 года. В ней трансгендерность исключили из списка психических расстройств.

[Вернуться к тексту.](#)

(3) А как сейчас?

В 2017 году утвердили единую форму справки N° 087/у «Об изменении пола» с диагнозом «транссексуализм» (F64), с которой можно идти в ЗАГС и менять в паспорте имя и гендерный маркер.

[Вернуться к тексту.](#)

(4) Почему герой без фамилии?

Фамилия не указана по просьбе героя и соображениям безопасности.

[Вернуться к тексту.](#)

(5) Что за справка?

В 2017 году утвердили единую форму справки N° 087/у «Об изменении пола» с диагнозом «транссексуализм» (F64),

с которой можно идти в ЗАГС и менять в паспорте имя и гендерный маркер.

[Вернуться к тексту](#)

(6) О чем речь?

Законопроект «в целях укрепления института семьи» также запрещает заходить в жилище для проверки бытовых условий без согласия жильцов.

[Вернуться к тексту](#)

(7) Кроссдрессинг

От английского cross dress — переодеваться. Кроссдрессерами называют людей, которые иногда переодеваются в одежду противоположного гендера.

[Вернуться к тексту](#)